

РЕЦЕНЗІЇ

Лицкевич О. В. *«Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2019, 928 с.

Объёмная книга белорусского историка Олега Владимировича Лицкевича (далее — О. Л.) представляет собой специальное, подробнейшее на сегодня исследование, посвящённое двум произведениям древнейшей историографии Великого княжества Литовского (ВКЛ). Эти тексты, включённые в состав всех трёх *Летописных сводов ВКЛ* середины XV — первой трети XVI вв., «до сих пор оказывают определяющее влияние на наше восприятие многих аспектов истории ВКЛ второй половины XIV в.» (с. 11). *Летописцем великих князей литовских* (далее — *ЛВКЛ*) принято называть историографический памятник, созданный в пределах ВКЛ и описывающий события с 1341 по 1396 гг. Несмотря на заглавие «Летописца» (о котором см. ниже), он по своей структуре не имеет ничего общего с древнерусской летописью или европейскими анналами, представляя собой типичную хронику, где годовые датировки вообще отсутствуют. В такой же форме написан и текст, за которым закрепилось название *Повести о Подолье* (далее — *ПП*, сам памятник заглавия не имеет), излагающий историю Подольской земли с 1363 по 1430 гг.

Структурно книга О. Л. состоит из двух основных частей: в первой рассмотрены вопросы текстологии, источников и авторства изучаемых произведений (введение, главы 1–3, приложение 1 — тексты); во второй — оценивается достоверность их информации в историческом контексте (главы 4–7). После основного изложения следуют заключение (выводы), документальные приложения 2–3, библиография, географический и именной указатели, список иллюстраций. Каждая глава состоит из ряда нумерованных подразделов, часть которых делится на самостоятельные сюжеты.

Часть 1. Текстология, источники и авторство

Введение (с. 15–46) включает два подраздела: «Историографический экскурс» и «Объект, предмет, структура и методы исследования». В первом излагаются выводы авторов, занимавшихся изучением *ЛВКЛ* и *ПП* на протяжении почти двух столетий, среди которых особо выделяются работы С. Смольки, Ф. П. Сушицкого, В. А. Чемерицкого, Ю. Н. Микульского. Историографический обзор очень подробен (включая даже компилятивные очерки, не имеющие самостоятельного значения), но к нему следовало бы добавить статью Е. В. Русиной¹. В частности, украинская исследовательница,

1 Русина О. В. Українські аспекти білорусько-литовського літописання: історія й історіографія. *Український історичний журнал*. 2016, № 6, 127–150.

проанализировав текст *Похвалы Витовту* (которую О. Л. рассматривает в связи с работами некоторых других авторов), установила конкретные литературные источники этого произведения. Также Е. В. Русина указала на ряд серьёзных недостатков, присущих публикациям Н. Н. Улащика тт. 32 и 35 серии *ПСРЛ*; эта критика в целом совпадает с позицией самого О. Л. (с. 32).

Объект исследования — это, естественно, *ЛВКЛ* и *ПП*, которые «хотя и взаимосвязаны между собой, всё же являются разными произведениями». В соответствии с принципами, изложенными в классическом труде Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, О. Л. разделил свою работу на три этапа: 1) текстологическое исследование (установление взаимозависимости между различными списками и редакциями, последовательности их возникновения, реконструкция архетипов текстов); 2) определение источников и вероятного авторства; 3) подготовка комментария и оценка достоверности «хроник». Среди методов исследования выделяется один новаторский, хоть и несколько субъективный (это признаёт сам О. Л.): «Для количественной оценки достоверности нарративного источника разработан специальный структурно-аналитический подход. В его основе лежит разделение реконструированных архетипов хроник на отдельные смысловые элементы и подэлементы [...] Все они оценены на предмет достоверности с привлечением других источников» (с. 44–46).

Глава 1. Текстологическое исследование (с. 47–158)

Перед основным изложением материала О. Л. оговаривает некоторые вопросы терминологии. Комментируя название *ЛВКЛ*, автор отмечает, что таковое указано лишь в двух списках ранней редакции. Первая часть памятника, некогда бытовавшая в самостоятельном виде и сохранившаяся в латинском переводе *Origo regis*, ещё не имела заголовка. Общее же название *ЛВКЛ* «первая и вторая части этого произведения получили только после того, как были объединены в составе первого летописного свода *ВКЛ*». Учитывая полное отсутствие в *ЛВКЛ* годовых датировок, памятник вообще нельзя назвать «летописцем» в древнерусском значении данного термина. «Как справедливо отметил В. А. Чемерицкий, это произведение представляет собой скорее «документальную историческую повесть-хронику». С другой стороны, на территории *ВКЛ* в XV–XVI вв. слово «летописец» обычно использовалось как синоним слова «хроиника» («хроника»), означая любое нарративное историческое произведение» (с. 48–49).

Текстологическое исследование О. Л. начинает с памятника, не заявленного в названии книги, но имеющего явные параллели с *ЛВКЛ*. Речь идёт о документе, хранившемся в бывшем архиве Тевтонского ордена в Пруссии, переписанном на средневерхненемецком языке почерком конца XIV в. и озаглавленном «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln» («Это дело Витовта против Ягайла и Скиргайла»; далее сокращённо *Witoldes sache*). В изложении событий до 1382 г. включительно (первого отъезда Витовта

в Пруссию) *Witoldes sache* обнаруживает большое, иногда почти текстуальное сходство с первой частью *ЛВКЛ*. О. Л., проведя подробнейший анализ *Witoldes sache* по архивной рукописи, пришёл к тому же выводу, что и некогда Ф. П. Сушицкий: памятник является записью речи Витовта, произнесённой в 1390 г., после вторичного отъезда князя из ВКЛ в Пруссию, перед руководством Тевтонского ордена. Кроме того, О. Л. убедительно показал, что выступление Витовта произносилось на «западнорусском» языке (здесь и далее используется терминология автора, объясняемая им на с. 49). Об этом свидетельствуют несколько сохранившихся слов, а также выражений, перевод которых является «калькой» со специфических форм, свойственных «западнорусскому» языку ВКЛ (с. 50–59).

Переходя к рассмотрению текстов, отражающих Первую редакцию *ЛВКЛ*, О. Л. ставит на первое место латиноязычный памятник, озаглавленный «*Origo regis Jagyelo et Wytholdi ducum Lithuaniae*» («Происхождение короля Ягайла и Витовта, князей Литвы»; далее сокращённо *Origo regis*). Этот текст, сохранившийся в списке польской *Коронной метрики*, представляет собой краткую литовскую хронику 1341–1382 гг. (от смерти Гедимина до первого отъезда Витовта в Пруссию). Место записи памятника (между документами о мазовецко-коронном вассалитете 1354 и 1496 гг.) «заставляет предполагать, что непосредственным поводом для помещения «*Origo regis*» в книгу Коронной Метрики стало содержащееся в хронике сообщение о нападении мазовецкого князя Януша на Подляшье и Берестье». Ещё А. Прохаска и С. Смолька показали, что *Origo regis* — это почти дословный перевод на латынь с «западнорусского» языка первой части *ЛВКЛ*. Латинский перевод, близкий к *Origo regis*, использовал Ян Длугош в 10-й книге своей хроники при описании событий 1382 г. О. Л. приводит в пользу обеих этих тезисов и дополнительные примеры текстуального характера. 10-я книга хроники Длугоша была написана между 1466 и 1470 гг. «Именно в это время (с 1467 г.) Длугош был назначен воспитателем сыновей короля Польши, великого князя литовского Казимира, и в этом качестве мог получить доступ к некоторым материалам по истории ВКЛ, в том числе к латинскому переводу, близкому к «*Origo regis*»». При этом: «Следов использования второй части «*Летописца*», описывающей события с 1383 по 1396 г., мы в его хронике не находим. Напрашиваются два вывода: во-первых, *terminus ante quem* для возникновения латинского перевода, отразившегося в «*Origo regis*», — это приблизительно 1466–1470 гг., а во-вторых, до 1466–1470 гг. протограф текста, которым воспользовался Длугош, имел хождение в читательских кругах или хранился в государственном архиве отдельно от второй части «*ЛВКЛ*» и от первого летописного свода ВКЛ» (с. 59–65).

Помимо объёма *Origo regis* (лишь до 1382 г.), важным отличием этого памятника от двухчастного *ЛВКЛ*, представленного текстами на «западнорусском» языке, является наличие нескольких более верных и полных чте-

ний. Однако «нельзя забывать и о том, что в ряде фрагментов «*Origo regis*» также имеет лакуны, утраты и пропуски текста. В целом текстуальные особенности «*Origo regis*», как и других списков, можно разделить на три категории: особые чтения, лакуны и излишки». Из первых наиболее важное — название центра удела Монтивида Гедиминовича, «*Вепнов*» (явная описка вместо «*Кепнов*», как правильно у Длугоша). Во всех остальных, двухчастных списках *ЛВКЛ* здесь почему-то указан Карачев, что для 1340-х гг. совершенно нереально (Карачев, столица одного из черниговских уделов в бассейне Верхней Оки, в XIV — начале XV вв. имел собственных князей из династии Ольговичей — *С. К.*). Лакуны текста в *Origo regis*, очевидно, носят случайный характер. Важное значение имеют «излишки» *Origo regis*, включая даже имена некоторых исторических лиц (с. 65–70).

Полный, двухчастный вариант *ЛВКЛ* первой редакции на «западнорусском» языке представлен четырьмя списками и одним небольшим отрывком:

- *Виленский список* (название условное), переписанный в Смоленске неким Авраамкой в 1495 г. Окончание текста здесь утрачено²;
- *Академический*, где *ЛВКЛ* переписан на бумаге с филигранью, датируемой 1534 г. Список обрывается на полуслове при описании событий 1390 г.;
- *Супрасльский*, где финальная запись переписчика датирована 1520 г., но, судя по филиграням, она относится к протографу, скопированному в 1530-х гг. О. Л., основываясь на некоторых языковых особенностях *ЛВКЛ* в этом списке, склонен поддержать мнение Н. Н. Улащика о его смоленском или восточнобелорусском происхождении;
- *Слуцкий*, вероятно, переписанный в 1520-х гг. в Слуцке. Начало *ЛВКЛ* здесь утрачено. Именно *Слуцкий* или какой-то очень близкий список, судя по ряду общих чтений / пропусков, стал источником и *Второго летописного свода ВКЛ* по списку Красинского, и *Третьего свода (Хроники Быховца)*;
- «Фрагмент РГАДА» — единственный лист, писанный «западнорусским» полууставом приблизительно рубежа XV–XVI вв.

Проведя подробное сравнение указанных текстов (по критериям: особые чтения, лакуны, излишки, варианты, сближающие отдельные списки), О. Л. устанавливает, что все они в различных местах имеют как правильные, так и ошибочные чтения и пропуски. Вместе с тем особые текстуальные совпадения позволяют разделить все списки на две группы: более ранний протограф отображён в списках *Виленском* и *Академическом*, более поздний (но иногда сохранивший верные чтения) — в списках *Супрасльском*, *Слуцком* и «фрагменте РГАДА» (с. 80–81, 94–95).

2 Отметим, что О. Л. не знает о публикации, вышедшей за год до его книги: *ПСРЛ* 44. *Летопись Авраамки*. Сост., предисл. А. Г. Бобров, А. М. Введенский, Н. А. Морозова; отв. ред. А. В. Майоров. Санкт-Петербург, 2018. Здесь изложена история рукописи, дано её подробное описание, а также переиздан сам *Виленский список ЛВКЛ* (с. 151–156).

Весьма важным является вопрос о соотношении *ЛВКЛ* с *Witoldes sache*. Для его решения О. Л. применяет свой метод, сравнивая «смысловые элементы» обоих текстов, которых в части до 1382 г. насчитывает 78, разделённых на 5 «блоков». Выясняется, что наибольшая близость памятников наблюдается во «втором блоке», где повествуется о заговоре Ольгерда и Кейстута против брата Евнутия, а также их договоре, заключённом после захвата власти. Здесь в некоторых фрагментах *Witoldes sache* и *ЛВКЛ* «имеют даже дословные и не кажущиеся случайными совпадения», в других — совпадения «не стопроцентные (цитируемые фрагменты скорее похожи на вольный пересказ одного и того же первоисточника)». В целом же изложение в *ЛВКЛ*, безусловно, значительно более подробное, чем в *Witoldes sache*.

Проведённое сравнение текстов, само по себе, ещё не позволяет дать ответ на вопрос, какой из них возник раньше. Однако в *ЛВКЛ* содержится ремарка о том, что вдова казнённого в 1382 г. Бутрима позже стала женой боярина Монивида. А поскольку упомянутый брак имел место не ранее 1407 г., «то, значит, последний раз протограф первой части «Летописца» редактировался как минимум спустя 17 лет после возникновения «*Witoldes sache*»». При этом «невозможно категорично утверждать», что текст *Witoldes sache* непосредственно использовался для создания *ЛВКЛ*. О. Л. отмечает: «Мне кажется, что связь между двумя памятниками не столь прямолинейна. «*Witoldes sache*» — это утилитарный инструмент, предназначавшийся сугубо для удовлетворения сиюминутных политических потребностей и наглухо погребённый в архиве Тевтонского ордена, т. е. после 1390 г. не оказывавший влияния на создание хроникальных памятников на территории ВКЛ». Исходя же из общей сюжетной линии *Witoldes sache* и первой части *ЛВКЛ*, «правоммерно говорить о том, что у них имелся общий архетип на западнорусском языке, описывавший события до 1382 г. включительно и созданный ещё до 1390 г. Причем в той части, которая касалась событий 40-х гг. XIV в., этот архетип был облечен в письменную форму. Цель создания такого архетипа вполне очевидна — обоснование прав Кейстута и Витовта на великое княжение в Вильно и на земли, которыми они владели.

Воспользовавшись этим архетипом, создатель «*Witoldes sache*» дополнил его рассказом о событиях 1382–1389 гг. [...] Эта часть содержит уникальную информацию, текстовых и смысловых аналогов которой мы не находим ни в «*ЛВКЛ*», ни в других письменных источниках» (с. 113–114).

Все эти наблюдения О. Л. совершенно верны, однако, на наш взгляд, автор остановился буквально «в шаге» от ключевого вопроса, так его и не поставив: почему архетип *Witoldes sache* и первой части *ЛВКЛ*, существовавший в самостоятельном виде, был доведён именно до 1382 г., конкретно же — до бегства Витовта в Пруссию? Между тем, раз уж установлено, что *Witoldes sache* является записью/переводом речи Витовта, произнесённой в 1390 г. с целью изложить причины своего вторичного отъезда к крестонос-

цам, то логично предположить, что последние желали услышать такие аргументы и в 1382 г. — после первого бегства к ним сына Кейстута. Ведь содержание первой части *ЛВКЛ* вполне соответствует жанру «мемориала», оправдывающего действия и заявленные претензии Витовта. Такой «мемориал 1382 г.», полагаем, и являлся тем «архетипом», о котором пишет О. Л. Вероятно, изначально рассказ в нём вёлся от первого лица — самого Витовта, как и в *Witoldes sache*. И лишь затем же он был преобразован в «хроникальную» форму (изложение от третьего лица), при этом редактор на протяжении всего текста «присвоил» Кейстуту и Витовту анахроничный титул великих князей.

Готовя свой вторичный доклад, произнесённый перед руководством Ордена в 1390 г., Витовт для изложения событий по 1382 г. использовал текст предыдущего «мемориала», но весьма значительно его сократил. События же 1383–1389 гг. Кейстutowич изложил впервые, и они никак не отразились в *ЛВКЛ*. Таким образом, полагаем, автором обеих произведений было одно лицо — сам Витовт. Текст его речи перед крестоносцами, подготовленной в конце 1382 г., сохранился в архиве ВКЛ и стал архетипом (о котором пишет О. Л.) для первой части *ЛВКЛ*. Второй же доклад 1390 г., в части по 1382 г. основанный на предыдущем, но переведённый и записанный на средневерхненемецком языке (*Witoldes sache*), справедливо оценивается как «наглухо погребённый в архиве Тевтонского ордена».

Помимо первой редакции *ЛВКЛ*, О. Л. выделяет ещё четыре, возникшие в XVI в. Вторая редакция включена в состав *Второго летописного свода ВКЛ*, создание которого автор, вслед за В. А. Чемерицким, относит к 1520-м гг. (с. 114). Такая датировка представляется несколько категоричной: не менее вероятной, а, по нашему мнению, и вполне обоснованной является точка зрения Р. Ясаса, согласно которой *Второй (Расширенный) свод* был создан в 1510-х гг. (до 1519 г. — первого издания *Хроники поляков* Матвея Меховского)³. Вторая редакция *ЛВКЛ* представлена семью списками, из которых наиболее ранний вариант, послуживший источником для всех последующих, отражён в *списке Красинского* (по филиграммам датируется между 1542 и 1595 гг.); он основан на тексте, очень близком к *Слуцкому списку* первой редакции. Списки второй редакции подверглись языковой и стилистической модернизации, а также содержат несколько позднейших интерполяций.

Намного больше таких интерполяций имеется в третьей редакции *ЛВКЛ*, включённой в состав *Третьего свода ВКЛ* — т. н. *Хроники Быховца*, опубликованной Т. Нарбутом в 1846 г., где «западнорусский» текст транслитерирован польской латиницей (оригинал рукописи утрачен). Недавно

3 Ясас Р. Хроніка Быхаўца і яе паходжанне. *Беларускі гістарычны агляд*. Т. 24, сшыткі 1–2 (46–47). Снежань 2017, 212, 219–220 (доступный белорусский перевод работы автора, опубликованной на литовском языке ещё в 1971 г.).

стал известен ещё один, хоть и неполный список этой редакции — т. н. *Вавельский фрагмент* с текстом за 1345–1393 гг., переписанный кириллицей во второй половине XVI в. (опубликован в 2016 г.). В третьей редакции *ЛВКЛ* «особым образом скомбинирован» с *ПП*.

О. Л., следуя предположению Е. Охманьского, убедительно показал, что некоторые «корректуры» *Хроники Быховца* принадлежат перу самого Т. Нарбута — известного фальсификатора «древних источников». Такие интерполяции Нарбута возможно выявить, главным образом, путём сравнения *Хроники* с *Вавельским фрагментом*, т. е. лишь в пределах 1345–1393 гг. Но они вполне вероятны и вне этого фрагмента, в начальной части *ЛВКЛ*. Скажем, О. Л. отмечает здесь вставку о смерти «княгини Евны», полагая, что её сделал «автор или последний редактор хроники Быховца» (с. 128, 378). Между тем Евна, жена Гедимины, упоминается лишь в сочинении того же Нарбута, в виде выписки из т. н. *Рауданской рукописи* якобы 1488 г.: «Третья Евна, или Ева, также княжна Русская, дочь Ивана Всеволодовича, Полоцкого князя (! — С. К.), брата Ольги, умершей жены Гедимины»⁴. *Рауданская рукопись*, как давно доказано, является одной из фальсификаций самого Нарбута⁵. Впрочем, большинство интерполяций в третьей редакции *ЛВКЛ* (которые иногда достигают размера небольших рассказов), носящих легендарный характер с элементами прямого вымысла, были внесены в текст автором первой половины XVI в. Некоторые из них сочинены с явной целью «возвысить» род Гаштольдов, к которому принадлежал канцлер ВКЛ Альбрехт Гаштольд — наиболее вероятный инициатор создания *Третьего свода ВКЛ*, написанного в 1520-х гг. (с. 117–136).

Четвёртая и пятая редакции *ЛВКЛ*, т. н. *Медоварцевская* и *Новгородская*, были созданы за пределами ВКЛ, соответственно в Москве и Новгороде, в 1530–1540-х гг. Особого интереса они не представляют, хотя и подробно рассмотрены в работе (с. 136–150).

Итоговые выводы О. Л. по текстологии *ЛВКЛ* изложены в отдельном разделе, содержащем и графическую схему, где наглядно показаны взаимосвязи между различными редакциями и списками памятника (с. 150–153, схема I). Серьёзных возражений они, насколько можем судить, не вызывают, являясь безусловной заслугой белорусского историка.

Повесть о Подолье (ПП), которая «находится в тесной связи с «ЛВКЛ», хотя и представляет собой отдельное от него произведение», известна в трёх редакциях, включённых соответственно в состав трёх летописных сводов ВКЛ. Первая редакция представлена *Слуцким* и *Супрасльским* списками. Оба имеют некоторые дефекты, а поэтому «нередко как бы взаимно дополняют

4 Narbutt T. *Dzieje starożytne narodu Litewskiego*. T. 1. Wilno, 1835, 160.

5 Chodynicki K. Ze studjów nad dziejopisarstwem rusko-litewskim (T. z. Rękopis Raudański). *Ateneum Wileńskie*. R. 3, Nr 10–11. Wilno, 1925–1926, 387–401.

друг друга». Однако эти списки содержат и три противоречивых чтения. По мнению С. В. Полехова, более близкими к первичным являются чтения *Супрасльского* списка. Однако О. Л., привлекая данные текстологического и исторического характера, убедительно доказывает, что верными следует признать варианты *Слуцкого* списка, который, соответственно, в целом точнее отражает первоначальный текст *III* (с. 153–156).

Вторая редакция памятника представлена семью списками *Второго свода ВКЛ*. В их тексте «приглажен стиль, заменена архаичная лексика», исключены некоторые эпизоды. Имеется и важное добавление — владением Фёдора Кориатовича, наряду с Новгородком, назван Гомей (Гомель). О. Л. ниже признаёт, что это указание является редакторским вмешательством, вставленным в текст не ранее рубежа XV–XVI вв. (с. 686). Однако причины такой вставки автор не выясняет. Между тем, С. В. Полехов отмечал: «Возможно, это как-то связано с тем, что в 1500–1535 г. Гомель принадлежал Русскому государству»⁶. Действительно, из городов Северной земли, присоединённой к Московскому государству в 1500 г., потеря Гомеля, расположенного ближе всего к урезанным границам ВКЛ, должна была ощущаться особо остро; показательно, что в результате очередной войны между ВКЛ и Москвой в состав первого удалось вернуть лишь Гомель с округой. Именно поэтому, полагаем, автор *Второго свода ВКЛ*, работавший в 1510-х гг., решил подчеркнуть — пусть и путём вымысла (что было для него нормой) конкретного «факта» с Фёдором Кориатовичем, — былую принадлежность спорного Гомеля к ВКЛ.

Третья, наиболее значительно «переработанная» редакция *III* содержится в *Третьем своде ВКЛ — Хронике Быховца и Вавельском фрагменте*. Между последними имеются несколько мелких разночтений. Скажем, «в хронике Быховца битва близ Синеи Воды почему-то датирована 1351 г., что противоречит данным русских летописей» (с. 157). Источником этой вставки, полагаем, была печатная *Хроника Стрыйковского* 1582 г., где Синеводская битва имеет сюрреалистическую дату 1331 г., которую переписчик XVIII в. вполне мог исправить на более «подходящий» 1351 г.⁷ Не менее вероятно, что автором данной интерполяции, отсутствующей в кириллическом *Вавельском фрагменте*, был и сам издатель *Хроники Быховца* — печально известный Т. Нарбут (ср. выше о третьей редакции *ЛВКЛ*).

6 Полехов С. В. Летописная «Повесть о Подолье». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2014, № 1, 37, прим. 14.

7 Келембет С. Фінал «Королівства Русі»: боротьба за галицько-волинські землі в 1340–1351 рр. *Ruthenica XVI* (2020), 108–109.

Глава 2. Источники «Witoldes sache», «ЛВКЛ» и «ПП» (с. 159–230)

Вначале О. Л. ставит целью установить документальные источники изучаемых памятников, к которым применяет исходный тезис: «Не подлежит сомнению, что в древнерусские летописи целиком или фрагментарно включались документальные и эпистолярные материалы». В доказательство автор приводит несколько примеров, когда в нарративных произведениях содержатся тексты, пересказы или упоминания актов документов русских и литовских князей начала XIII — середины XIV вв., часть которых известна также по другим источникам. Письменная культура ВКЛ последних десятилетий XIV в. тем более допускала существование актов, что демонстрируется целым рядом примеров. Некоторые из них прямо упомянуты, процитированы или использованы в *Witoldes sache*, *ЛВКЛ* и *ПП*. О. Л. выявляет эти документы поединично, описывая их в хронологическом порядке (начиная с «докончания» между Ольгердом и Кейстутом 1345 г.); отдельные акты даже сохранились до нашего времени в оригиналах.

Важными нарративными источниками *ЛВКЛ* являлись русские летописи. Причём в первой части памятника, которой свойственна стилистическая и языковая целостность (по нашей версии это — переработанная речь Витовта 1382 г.), признаков прямого использования летописей не наблюдается. «Иное дело — вторая часть «Летописца», составленная из разнородных фрагментов, некоторые из которых, в частности те, что написаны со значительной примесью церковнославянского языка, могут происходить из более ранних летописных источников» (с. 187). На примере нескольких фрагментов О. Л. показывает, что «автор второй части «ЛВКЛ» либо использовал в качестве источника выборку общерусских летописных сообщений из первого летописного свода ВКЛ, либо сам и являлся редактором-составителем этой выборки» (с. 195, 205, 216). Подробно проанализировав те сюжеты *ЛВКЛ*, которые явно основаны на русских летописях, автор устанавливает (общие выводы см. на с. 225–226), что среди таковых были: московский свод 1408 г., возможно, даже сама утраченная *Троицкая летопись*; протограф летописей «новгородско-софийского семейства» — *Новгородской IV* и *Софийской I–II*; отдельные тексты, в самостоятельном виде не сохранившиеся, использованные при описании войны 1386 г.; интересно, что здесь же выявляется одна фраза, явно заимствованная из *Галицко-Волынской летописи* (с. 202–203).

При описании событий 1392–1396 гг. (фактически 1393–1395 гг. — *С. К.*) основным источником *ЛВКЛ*, по гипотезе О. Л., был некий официальный текст, созданный в канцелярии ВКЛ. Он состоит из четырёх «блоков», которые последовательно информируют о подчинении власти Витовта отдельных регионов ВКЛ: «Новгородские дела (1393 г.)», «Витебские дела (1393 г.)», «Подольские и киевские дела (1393–1395 гг.)», «Смоленские дела (1395 г.)». Впрочем: «Идея о канцелярском происхождении многих этих сообщений,

конечно, не нова. В свое время, анализируя язык и стилистику второй части «ЛВКЛ», Ф. П. Сушицкий пришел к выводу (перекликающемуся с одним из выводов А. Прохаски), что при описании событий 1392–1396 гг. хронист использовал записи, которые велись в канцелярии ВКЛ. Повествование в этом фрагменте отличается сухостью и сжатостью, которые присущи скорее канцелярскому делопроизводству. На мой взгляд, результаты структурного анализа текста служат этому лучшим подтверждением. Однотипность сообщений указывает, по-видимому, на характер источника, из которого хронист черпал сведения: гипотетически это был некий реестр, в который вносились данные о великокняжеских пожалованиях, назначениях, посольствах, военных походах, поездках и т. д. Не исключено, он представлял собой нечто среднее между делопроизводственным документом и летописью, так как даты в этом реестре обозначались с помощью традиционных летописных клише, например, «тое же зимы на весну». Взяв львиную долю сухих фактов из этого источника, автор второй части «Летописца» включил в ткань повествования также данные, заимствованные из официальных документов [...], а также из русских летописей и устной традиции (например, в эпизоде об отравлении Скиргайла)».

Примерно то же самое относится и к *ПП* в части за 1394–1430 гг., причём последняя является как бы подробным развитием очень краткого сообщения *ЛВКЛ*. Отсюда «напрашивается вывод, что оба произведения созданы с привлечением общего источника либо одним автором, либо в рамках одного и того же, если так можно выразиться, литературного проекта». О. Л. сам признаёт гипотетичность такой реконструкции. Однако «эта гипотеза — единственный возможный способ внятно ответить на вопрос, откуда авторы этих произведений взяли основной фактический материал для описания событий с 1392 по 1430 г. [...] Дело в том, что по новгородским, витебским, киевским и подольским делам [...] никаких альтернативных сообщений в известных ныне общерусских летописных сводах не сохранилось». Последние знают лишь о смоленско-рязанских событиях 1395/96 г., однако их изложение в различных сводах, как показывает подробный анализ, имеют очень мало общего с *ЛВКЛ* (с. 216–224).

Наконец, к нарративным источникам *ЛВКЛ* и *ПП* следует отнести устную традицию и собственные сведения авторов или информаторов. Особенно это касается *Witoldes sache* (речи самого Витовта 1390 г.) и близкой к ней первой части *ЛВКЛ*. Характеристика последней у О. Л. вполне согласуется с нашим мнением, что это была «переформатированная» речь Витовта 1382 г. Сам же автор остановился «в шаге» от такого вывода: основным источником первой части *ЛВКЛ* «послужила информация, непосредственно исходившая из близкого окружения Витовта, а может быть, и от него самого, и во всяком случае отражающая знания, опыт, симпатии и антипатии великого князя»; «Трудно отделаться от впечатления, что перед нами, может быть, некое семейное

предание, которое часто повторялось самим Кейстутом в неформальной обстановке [...] и поэтому хорошо врезалось в память Витовта. На каком-то этапе оно могло быть даже записано»; «В частности, показателен целый ряд диалогов между Кейстутом и Витовтом»; «Вновь логика рассуждений приводит нас к личности самого Витовта».

Ничего подобного нет во второй части *ЛВКЛ*, по своему составу разно-одно-компилятивной. Однако и здесь присутствует, как минимум, один сюжет, основанный на устной традиции — известный рассказ об отравлении Скиргайла в Киеве («Аз же того не свѣмь, занже бѣх тогда млад, но нецеи г(лаго)лють [...]»). Наконец: «Большой пласт устной, если не сказать фольклорной, информации лежит в основе «ПП». Фактически на легендах, преданиях, а может быть, отчасти и на авторских домыслах базируется вся начальная часть этого произведения» — вплоть до 1380-х гг., а отчасти устная традиция используется и при изложении позднейших событий (с. 226–230).

Глава 3. Предполагаемое авторство нарративных произведений (с. 231–262)

Если автором *Witoldes sache* О. Л. безоговорочно признаёт Витовта, то в отношении первой части *ЛВКЛ* высказывается так: «Все указывает на то, что заказчиком, источником информации, а может быть, и автором первой части «Летописца» был сам Витовт» (с. 232). Даже отметив, что «оба эти текста возникли под непосредственным влиянием центральной европейской традиции составления официальных меморандумов», которые «активно использовались в дипломатической практике Польского королевства, ВКЛ и Тевтонского ордена в начале XV в.», логичную идею о таком «меморандуме», подготовленном Витовтом после бегства в Пруссию в конце 1382 г., автор почему-то не сформулировал (с. 232–233).

Зато О. Л. предложил оригинальную, хорошо аргументированную и весьма вероятную гипотезу, касающуюся авторства и времени составления второй части *ЛВКЛ*. Историк исходит из таких предпосылок: искомый автор «родился приблизительно в 80-х или, самое позднее, в начале 90-х гг. XIV в. Он имел доступ к материалам канцелярии ВКЛ, хорошо ориентировался в русской книжной культуре, цитировал Священное Писание (Новый Завет и Псалтирь), имел в своем распоряжении целый ряд русских летописей [...] Знакомство автора со смоленской устной традицией [...] позволяет предполагать, что он был каким-то образом связан со Смоленском».

Вторая часть *ЛВКЛ* была написана не ранее летописной выборки *Перво-го свода ВКЛ*, доведённой до 1427 г. «А это именно то время, когда в Смоленске отмечался повышенный интерес к сочинению идеолого-политических произведений и по поручению Герасима (тогда еще епископа смоленского) была написана первая редакция «Похвалы Витовта». Кроме того, вторая часть «Летописца» имеет некоторые стилистические параллели с хроникой

о междоусобной войне 30-х гг. XV в., на что в свое время указал Ф. П. Сушицкий». А эта хроника, как доказал Ю. Н. Микульский, тоже была создана в Смоленске сотрудником или сторонником митрополита Герасима, и т. д. (с. 234–236).

Упомянутым условиям вполне соответствует личность Якова Григорьевича, писаря епископа Герасима, который сопровождал его во время поездки в Константинополь 1432–1433 гг. (где сделал граффито на колонне Софийского собора). С другой стороны, в конце следующего десятилетия в канцелярии ВКЛ появляется писарь Якуб, подготовивший не менее 48 документов на «западнорусском» языке, выданных в течение 1449–1467/69 гг. Особенности биографии писаря Якуба ещё более показательны: он имел владения в Смоленске, был православным и живо интересовался церковной книжностью, но склонялся к церковной унии (как и митрополит Герасим в 1434 г.). Наконец, имел явные связи с киевским боярством (автор *ЛВКЛ* сам упомянул, что во время отравления князя Скиргайла в Киеве, т. е. в 1395 г., он был «млад»). Отсюда О. Л. делает вывод: «Совокупность имеющихся данных позволяет предполагать, что автором второй части «ЛВКЛ» мог быть писарь Якуб, который с конца 40-х гг. XV в. работал в канцелярии ВКЛ, а до того, в начале 30-х гг. XV в., был секретарем митрополита Герасима» (с. 236–255).

Переходя к вопросу о времени создания второй части *ЛВКЛ*, О. Л. увязывает его со временем написания *ПП*, поскольку: «Оба этих текста [...] созданы на основе общего круга источников. При этом их авторы (если это не был один и тот же человек) координировали свою работу». О. Л. предлагает новую, весьма вероятную датировку *ПП* — она могла быть написана в самом начале многолетних польско-литовских переговоров 1440–1450-х гг., касавшихся принадлежности Подолья. Первые такие крупные переговоры состоялись в сентябре 1446 г. Кроме того, «требование о возвращении ВКЛ Подолья и Волыни было включено и в литовский проект межгосударственной унии, подготовленный в том же 1446 г. При этом представители ВКЛ заявляли, что между двумя государствами должны быть установлены такие же границы, которые были в правление Владислава (Ягайла) и Витовта [...] Из всего этого прямо следует, что «ПП» возникла, скорее всего, во второй половине 1446 г. Поскольку литовская сторона тогда настаивала на возвращении к границам времен Витовта, то в повести история Подолья доведена только до 1430 г. и не затрагивается ни польско-литовский конфликт 30-х гг. XV в., ни городенский акт 1432 г. Соответственно, «ПП» необходимо рассматривать как своего рода справочный исторический материал, которым делегация ВКЛ подкрепляла свои аргументы на переговорах с поляками в Берестье в сентябре 1446 г.» (с. 257–261).

По мнению О. Л., ряд общих признаков указывает на то, что автором или последним редактором *ПП* был тот же человек, который написал и вторую часть *ЛВКЛ*, т. е. писарь Якуб. Судя по материалам, включённым в состав

Первого свода ВКЛ, доведённого до 1446 г., *ЛВКЛ* был написан уже после завершения его основного текста, явно связанного со Смоленском. «После 1446 г., когда Якуб стал писарем великокняжеской канцелярии и получил доступ к материалам государственного архива ВКЛ, он подготовил заключительную часть свода, которую назвал «ЛВКЛ». Для ее создания он использовал найденный в архиве меморандум о войне между Кейстутом и Ягайлом, а фрагмент о событиях с 1383 по 1396 г. написал самостоятельно на основе архивных источников, русских летописей и преданий. Далее, в качестве дополнительного материала по подольским делам, он поместил «ПП», которую также взял в государственном архиве ВКЛ или ранее (в 1446 г.) написал сам по заказу правящей верхушки ВКЛ с привлечением того же круга источников, что и для второй части «Летописца» [...] Также заслуживает внимания [...] факт, что Длугош при создании 10-й книги своей хроники (1466–1470 гг.) еще не знал двухчастного варианта «Летописца», а пользовался только его первой частью, отразившейся в «*Origo regis*». Таким образом, широкое распространение в списках первого летописного свода ВКЛ и второй части «Летописца» в его составе началось не ранее 1466–1470 гг.» (с. 261–262).

Первую часть книги завершает **Приложение 1** (с. 263–336), в котором публикуются тексты всех рассмотренных памятников. Из них наибольшую ценность имеет публикация *Witoldes sache* по фотоснимкам рукописи и особенно — выполненный автором перевод этого уникального текста со средневерхненемецкого на русский язык. Для публикации *ЛВКЛ* и *ПП* привлечены списки лишь первой редакции. Кроме того, предпринята реконструкция содержания их архетипов, которую О.Л. вполне обоснованно выполнил на современном русском языке (учитывая латинский перевод *Origo regis* и то, что «далеко не всегда ясно, какие формы слов и выражений на западнорусском языке являются первичными», с. 308).

Часть 2. Достоверность и контекст сообщений «Dis ist Witoldes sache wedir Jagaln vnd Skirgaln», «ЛВКЛ» и «ПП» (с. 339–713)

Эта часть книги, состоящая из четырёх глав, представляет собой подробный исторический комментарий к содержанию указанных памятников. Их тексты разделены на 179 «смысловых элементов» (пронумерованных арабскими цифрами), в каждом элементе выделены ещё «подэлементы» (обозначенные римскими цифрами). Все без исключения сюжеты хроник сравниваются с другими источниками на предмет достоверности. В конце каждой главы помещается «Роспись смысловых элементов и оценка их достоверности», где по результатам им присваиваются литерные обозначения от А до G. Напр., последний «подэлемент» 179-IV оценивается как В, что значит: «Известие прямо подтверждается формально независимыми источниками» (с. 339, 711). Итоговые подсчёты по всем памятникам сведены в специальной таблице (с. 719–720).

По сути, вторая часть книги — это самостоятельное исследование скорее общесторического, чем источниковедческого характера. Её последовательный комментарий в рамках рецензии совершенно нерален. В целом работа выполнена на добротном научном уровне, являясь весомым вкладом в изучение раннего ВКЛ. Особо следует подчеркнуть то, что автор свободно использует источники на средневерхненемецком языке, до сих пор не переведённые на русский. Тем не менее, отдельные сюжеты всё же раскрыты не в полной мере, а некоторые выводы О. Л., по нашему мнению, вовсе ошибочны. Далее приводим несколько примеров для каждой главы, касающихся лишь таких вопросов, как генеалогия и владения литовско-русских князей.

*Глава 4. Первая часть «ЛВКЛ» и первая часть «Witoldes sache»
(с. 341–457)*

В первой части *ЛВКЛ* (1382 г.) сыновья Гедимины указаны в таком порядке: старший Монтивид, Наримонт, Ольгерд, Евнутий, Кейстутий, Кориат и Любарт. Однако во многих северорусских летописях, где под 6885 (1377) г. тоже помещён список Гедиминовичей, Монтивид значится на последнем месте, из-за чего старшим оказывается Наримонт. Такой перечень явно содержался уже в «своде 1408 г.», составленном в окружении недавно умершего (1406 г.) митрополита Киприана и имевшем «общие промосковские тенденции». Данный свод отразился в утраченной *Троицкой летописи* (была доведена до 1408 г.), а его тверская редакция — в *Рогожском летописце* (доведён до 1412 г.) и *Симеоновской летописи*⁸. О. Л. справедливо отмечает, что свидетельство *ЛВКЛ* о старшинстве Монтивиды предпочтительнее «хотя бы потому, что этот источник происходит с территории ВКЛ». «Монтивид мог быть указан в Рогожском летописце на последнем месте среди братьев только потому, что он по некоторым причинам не играл значительной роли в политической жизни ВКЛ» (с. 345–347).

Вместе с тем, как представляется, для перестановки Монтивиды с первого места на последнее имелась и более конкретная причина — то, что в результате старшим сыном Гедимины «становился» Наримонт. В данном контексте стоит учесть, что в первые годы XV в. на московской службе оказались внуки Наримонта — князя Фёдор и Юрий Патрикиевичи, второй из которых женился на сестре самого великого князя Василия Дмитриевича⁹. Поэтому для составителя промосковского «свода 1408 г.» было весьма соблазнительно, путём нехитрой манипуляции с именем Монтивиды, представить дело

8 Лурье Я. С. Летопись Троицкая. *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2, часть 2. Ленинград, 1989, 66.

9 Их отца, Патрикия Наримонтовича (упоминается в 1397 г.), нельзя отождествлять с Патриkiem Давидовичем, князем стародубским, и князем Патриkiem звенигородским, выехавшим в Москву в 1408 г. (Келембет С. Князі Стародубські та Рильські: середина XIV — початок XV ст. *Сіверянський літопис*. 2015, № 2, 12–26; рецензируемая книга, 352).

так, будто дед московских Патрикиевичей являлся старшим сыном Гедимина. А поскольку князья Патрикиевы занимали первое место среди московского боярства вплоть до 1499 г.¹⁰, указанная идея получила и дальнейшее развитие: в *Сокращённом своде 1493 г.*, а также *Начале государей литовских*, появился домысел, будто Наримонт после смерти отца некоторое время был даже великим князем литовским (О. Л. упоминает об этом на с. 354–355).

За исключением Монтивиды, старшинство остальных Гедиминовичей в *ЛВКЛ* и северорусских летописях указано одинаково. В последних этот перечень под 1377 г. является позднейшей вставкой, «приуроченной» к смерти Ольгерда, но сделанной никак не ранее 1386 г. — упомянутой здесь же коронации Ягайла. Отмеченное совпадение вряд ли случайно. А это значит, что составитель московского «свода 1408 г.» уже имел доступ к информации, зафиксированной в первой части *ЛВКЛ*. Вероятно, содержание «мемориала» Витовта 1382 г. стало известно в Москве при посредничестве Софии Витовтовны, жены великого князя Василия Дмитриевича.

Существенной ошибкой О. Л. представляется точка зрения, будто ещё в период правления Любарта Гедиминовича в «Галицко-Волынском княжестве» (1340–1349 гг.) владения здесь получили его братья, Наримонт и Кейстут. Поскольку Юрий Наримонтович позже был князем белзким, видимо, уже во время заключения литовско-польского договора 1352 г., автор полагает: «Из этого можно сделать вывод, что Белз, как и Пинск, достался Наримонту Гедиминовичу уже при первом разделе галицко-волынского наследства в 40-х гг. XIV в.» (с. 352). На самом деле ни о каком таком «разделе наследства» источники не сообщают, да оно в условиях 1340-х гг. и вряд ли было возможно. Недатированную грамоту Кейстута и Любарта, где как владения первого фигурируют Дорогичин, Мельник и Берестье, О. Л. без достаточных оснований относит примерно к 1342 г. По мнению автора, Берестье было включено в состав ВКЛ между 1340 и 1348 гг., «когда оно называется среди литовских городов в хронике Германа Вартберге» (с. 362–363, 366). Однако в последней Берестье упомянуто среди городов, откуда пришла помощь литовским князьям, сразу после Владимира — столицы Любарта. Более того, согласно *Краковской кафедральной хронике* в состав «княжества Руси», принадлежавшего тому же Любарту и захваченного королём Польши Казимиром в конце 1349 г., входили Белз и Берестье, отвоёванные литовскими князьями в 1350 г. Лишь после этого Любарт, в награду за военную помощь, мог уступить часть уже бывшего «княжества Руси» (Галицко-Волынского) брату Кейстуту и племяннику Юрию Наримонтовичу. Упомянутая же охранный грамота Кейстута и Любарта для торуньских купцов, согласно наиболее

10 Кучкин В. А. Большой московский наместник Иван Юрьевич Патрикеев. *Отечественная история*. 2006, № 1, 154–168.

реалистичной историографической версии, была выдана в связи с литовско-прусским примирением осенью 1355 г.¹¹

Рассматривая вопрос о первой жене Любарта, каковой по *ЛВКЛ* была дочь князя владимирского, О.Л. почему-то отвергает это наиболее раннее свидетельство (очевидно, исходившее от Витовта в 1382 г., т. е. при жизни самого Любарта!), отдавая предпочтение безосновательному домыслу Я. Тенговского о браке Любарта с сестрой или дочерью князя Даниила Острожского. Кроме того, автор занимает весьма неопределённую позицию по хронологии и статусу правления Любарта в 1340-х гг. (с. 373–374). Между тем, как показывает изучение данного вопроса, ничто не мешает признать женой Любарта-Дмитрия (вероятно, с 1331 г.) дочь Андрея Юрьевича, князя владимирского. Именно этот брак позволил литовскому княжичу в 1340 г. занять престол «Галицко-Волинского княжества», которым он и владел вплоть до польской аннексии в конце 1349 г.¹² Причём в этот период Любарт не имел никакого права отдавать части единого княжества, доставшегося ему в качестве *наследства жены*, во владение своих братьев, особенно язычника Кейстута.

Среди сыновей Ольгерда от второго брака О.Л., следуя Я. Тенговскому, называет Минигайла, умершего «до 1382 г.» (с. 388, 417). Минигайло упомянут лишь в некоторых летописях (начиная с *Софийской 1*), где он значится последним из 12-ти Ольгердовичей. Однако ещё Ю. Вольф убедительно доказал, что реальный Минигайло был даже не князем, а боярином — старостой ошмянским. Развивая эту мысль, М.С. Грушевский отметил, что в летописном списке Ольгердовичей вначале был упущен Вигонт, который «зацілів» только в *Тверской летописи*. Такой урезанный перечень из 11-ти сыновей содержит *Летопись Авраамки* и, как выяснилось позже, *Рогожский летописец* и *Симеоновская летопись*. Лишь затем (в *Соф. 1*) этот перечень был «дополнен» до нужных 12-ти имён, но место Вигонта Ольгердовича († 1392) почему-то занял нобиль Минигайло¹³.

Рассматривая вопрос о возможном православном крещении Ольгерда, О.Л. склонен доверять сообщению такого позднего источника, как *Родословие литовских князей*: незадолго до смерти литовский правитель под влиянием своей жены, Ульяны Тверской, принял крещение с именем Александр, затем монашество с именем Алексей и вскоре умер в схиме. Схимническим именем Ольгерда могло быть Дмитрий, с которым он записан в древнейшем *Помяннике Киево-Печерской лавры* (ок. 1483 г.) и трёх других помянниках. Однако же литовская знать во главе с Кейстутом настояла на его погребении по языческому обряду (с. 394–398).

11 Подр. см.: Келембет С. Фінал «Королівства Русі», 90, 93–97, 106.

12 Келембет С. Любарт-Дмитро Гедимінович: перший шлюб і династичні права на Галицько-Волинське князівство. *Ruthenica XV* (2019), 141–167.

13 Грушевський М. *Історія України-Руси*. Т. IV. Київ, 1993, 514.

Специальную работу этому вопросу посвятил О.И. Хоруженко (О.Л. о ней не знает), склонившийся к выводу, что Ольгерд вплоть до смерти оставался язычником. Однако мнение московского историка, будто имя Ольгерда-Дмитрия в киево-печерском помяннике «было написано достаточно поздно и является произвольной вставкой переписчика»¹⁴, выглядит неубедительным как с текстологической, так и с религиозной точек зрения. Вряд ли киевские монахи пошли бы на столь тяжкий грех, как обращение к Господу для поминовения язычника, причём не имея для этого никакого мотива. С другой стороны, в помяннике Ольгерд назван Дмитрием «в святом крещении», но о его постриге в монашество и тем более схиму ничего не сказано — в отличие от некоторых других лиц из этого же списка (князя Александра (Олелька) Владимировича Киевского, в иноках Алексея, и князя Ольгимонта-Михаила (Гольшанского), в иноках Евфимия). Поэтому наиболее реалистичным представляется вариант, что прагматичный Ольгерд, внешне оставаясь язычником (условие для власти над Литвой), действительно крестился в православие с именем Дмитрия, но этот акт был, по сути, формальным и тайным / негласным. Иначе вряд ли объяснимы оба его брака с православными: первый с княжной витебской и особенно второй — с княжной тверской, разрешение на который дали в Москве великий князь Семён Иванович и сам митрополит Феогност¹⁵.

Пытаясь установить происхождение Анны, жены Витовта, историк сталкивается с серьёзными противоречиями: в *Хронике Быховца* Анна названа дочерью князя Святослава Смоленского, но в документе 1384 г. как шурина Витовта фигурирует князь Лев Друцкий, а в двух других источниках шурином же Витовта назван боярин Судимонт. Последнее противоречие О.Л. разрешает весьма удачно, предположив, что сестра Судимонта была первой, языческой женой Витовта, о кремации которой сохранилось литовское предание, зафиксированное в приписке к *Хронографу* XVII в. Что же касается первых двух свидетельств, автор не исключает, что отцом Анны действительно был Святослав Смоленский, а Льва Друцкого считает её двоюродным братом по материнской линии. Признать Анну родной сестрой князя Друцкого мешает другое показание той же *Хроники Быховца* о родственных связях Друцких и Гольшанских (с. 446–447). На самом деле информация об Анне как дочери Святослава Смоленского никакого доверия не заслуживает — ни в историческом, ни в источниковедческом контексте. Полагаем, что это — типичный вымысел автора *Второго свода ВКЛ* 1520-х гг., имевший целью «показать» династические права ВКЛ на Смоленск, захваченный Москвой в 1514 г. В реальности же ничто не мешает, согласно прямому документально-

14 Хоруженко О.И. О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда. *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. Вып. 1 (13). 2016, 24–26.

15 *ПСРЛ* 15, вып. 1: 59.

му свидетельству 1384 г., признать Анну княжной Друцкой. Кроме того, это логично объясняет возвышение рода Друцких в правление Витовта¹⁶.

Глава 5. Вторая часть «Witoldes sache» (с. 459–477)

Некоторые сюжеты этой главы могут быть уточнены по публикациям 2018 г., неизвестным автору. В частности, это вопрос о хронологии и обстоятельствах потери Луцка князем Фёдором Любартовичем в 1386 г., его передачи Витовту в 1388/1389 г. (с. 466–467)¹⁷, биографии князей Ольгимонта и Ивана Гольшанских (с. 470–471)¹⁸.

Глава 6. Вторая часть «ЛВКЛ» (с. 479–601)

Комментируя личность князя Семёна Евнутьевича, пленённого Витовтом или крестоносцами в 1390 г., О.Л. принимает версию Я. Тенговского о его тождестве с князем Семёном Степаньским, упомянутым в документе 1387 г. (с. 517). Такая версия теоретически вероятна, но уверенно доказана быть не может. Далее О.Л. отождествляет князя Семёна Ивановича, одного из поручителей в Луцке в 1388 г., с одноимённым сыном Ивана Ольгимонтовича Гольшанского († 1433 г.), который мог получить Степань после смерти Семёна Евнутьевича (с. 518). Но эта гипотеза встречает ряд возражений: князь Семён Гольшанский вряд ли мог выступать поручителем уже в 1388 г. (при жизни отца и деда); его отец на рубеже XIV–XV вв. использовал печать с изображением не «Гипоцентавра», а стоящей Богоматери; главное, род Степаньских существовал ещё в середине XV в., представленный князьями Иваном и Михаилом, и лишь после них Степань получил князь Юрий Семёнович Гольшанский — вероятно, их родственник по женской линии¹⁹.

Версия О.Л. о возможном тождестве князя Ивана Теты, также пленённого в 1390 г., с Иваном Мстиславичем «Хотетом», князем Карачевским (с. 519), совершенно несостоятельна. Прозвание «Хотет» является лишь производной фикцией от «Хотетовский», сфабрикованной при составлении родословной князей Хотетовских, внесённой в *Бархатную книгу* в 1680-х гг. Составитель родословной преследовал цель «связать» князя Михаила Хотетовского, владевшего уделом Карачевского княжества (позже с. Хотетово Болховского уезда), который по летописям выехал в Москву в 1408 г., с князем Святославом Титовичем Карачевским, зятем Ольгерда. Так у Михаила Хотетовского появились отец Иван «Хотет» и дед Мстислав; последний был «привязан» к

16 Подр. об этом сюжете см.: Келембет С. *Князі Несвізькі та Збаразькі: XIII — початок XVI ст.* Вид. 2-ге. Кременчук, 2021, 110–112, прим. 290.

17 Келембет С. Федір-Федот (Федюшко) Любартович, князь Луцький і Володимирський, державця Сіверський. *Сіверянський літопис*. 2018, № 6, 16–18.

18 Polechow S. W., Butyrski M. N. Pieczęć kniazia Iwana Olgimuntowicza Holszańskiego. *Inter Regnum et Ducatum. Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Białystok, 2018, 450–456.

19 Подр. см.: Келембет С. *Князі Несвізькі та Збаразькі*, 109, 112–113, прим. 290.

Святославу Титовичу, записанному в базовом *Государеве родословце 1555 г.*, где роспись Хотетовских ещё отсутствовала. Вполне очевидно, что князь Иван Тета / «Хотет», участвовавший в битве 1390 г., не мог быть правнуком Ольгерда (по своей мнимой бабке), а его «родословный» сын князь Михаил Хотетовский, покинувший ВКЛ в 1408 г. — праправнуком!

Существенных уточнений требует сюжет о владениях и семье Дмитрия-Корибута Ольгердовича, князя новгород-литовского, новгород-северского и черниговского. О. Л. полагает, что после бунта Корибута 1393 г. он потерял Новгородок-Литовский, получив затем лишь «незначительный удел в Мяделе» (с. 533–535). Между тем, это явно была лишь часть Новгород-Литовского княжества, точнее его «Ольгердовой» половины, возвращённой Корибуту. Затем же половину Новгородка унаследовал его старший сын Сигизмунд, а замок Лошеск (Лоск) — Фёдор Корибутович. О жене Дмитрия-Корибута, дочери великого князя Олега Рязанского, О. Л. пишет: «В литературе утвердилось мнение, что ее звали Анастасией, она была вдовой друцкого князя Дмитрия Васильевича и имела от первого своего брака сыновей Андрея и Василия, но источники для таких выводов нам неизвестны» (прим. 1584). Эти вопросы были разъяснены в нашей специальной работе о Корибутах: имя Анастасии, видимо, является выдумкой князя П. В. Долгорукова, типичной для его справочника; вывод же о первом браке Анастасии с князем Дмитрием Друцким принадлежит такому же любителю, М. Д. Хмырову, и основан на ошибочной интерпретации летописных сведений 1399 г., «наложившейся» на ошибки Долгорукова²⁰. Также О. Л. не знает работы Я. Тенговского, в которой польский историк, пересмотрев свою прежнюю точку зрения на семью Корибута, пришёл к вероятному выводу о его двух браках: от первого с княжной Рязанской родился старший сын Сигизмунд, а от второго, заключённого в конце 1390-х гг. — младшие Фёдор и Иван²¹.

Глава 7. «Повесть о Подолье» (с. 603–713)

Согласно *III*, литовские князья Кориатовичи, племянники великого князя Ольгерда, утвердились на Подолье после его победы над татарами в битве на Синей Воде, которая в авторитетном *Рогожском летописце* датирована осенью 1363 г. Такая очерёдность событий преобладала и в старой историографии. Она вполне соответствует политическим условиям — «великой замятне» в Орде 1360-х гг. Однако В. Абрахам, весьма произвольно интерпретируя данные папской буллы 1351 г. (где фигурируют лишь «земли неверных русинов»), заключил, что Кориатовичи появились на Подолье ещё в 1340-х гг. —

20 Келембет С. Дмитро-Корибут Ольгердович — перший литовський князь південної Сіверщини. *Сіверянський літопис*. 2016, № 5, 15–25; Келембет С. Федір-Федот (Федошко) Любартович, 30.

21 Tęgowski J. Olgierdowicze, Drucy i Holszańscy, czyli jeszcze w sprawie pochodzenia Zofii Holszańskiej i o rodzinie Korybuta Olgierdowicza. *Colloquia Russica*. Series II, vol. 2. Kaunas, Kraków, 2013, 219–225.

до того, как Александр Кориатович ок. 1350 г. признал себя вассалом польского короля Казимира. Такая версия получила широкое распространение в польской историографии, а также новейшей украинской. Примыкает к ней (с некоторыми оговорками) и О. Л.: «Вполне возможно, что первое появление Кориатовичей на Подолье следует относить к концу 40-х — началу 50-х гг. XIV в.». Подчинение части Подолья Польше ок. 1350 г. якобы «подтверждается свидетельствами целого ряда источников» (с. 644–646).

В реальности же, проанализировав упомянутые «свидетельства», приходим к уверенному выводу, что ни одно из них таковым не является. Более того, из литовско-польского договора, заключённого осенью 1351 г. (в литературе обычно принимается 1352-й), достаточно ясно, что владения ВКЛ и Польши в Руси не простирались восточнее «Львовской земли» и южнее вольнского Кременца. Где-то на галицко-волинском пограничье, а вовсе не Подолье, и находились тогдашние владения Кориатовичей, видимо, полученные ими от дяди Любарта в 1350 г.²²

Вряд ли можно согласиться с мнением О. Л., будто в 1352 г. политические планы на Подолье имел и Людовик, король Венгрии. Эта версия основана на хронике флорентийца М. Виллани, который «передает под 1352 г. слухи о том, что войска татар напали на королевство «Прославию» (Proslavia), возглавлявшееся «неверным» королем, который ранее покорился королю Венгрии; в этой «Прославии» угадывается Брацлавская волость. В венгерских источниках упоминаний об этом нет». Аргументация, будто Людовик шёл через Западное Подолье, возвращаясь в Венгрию из неудачного похода на Белз, предпринятого вместе с польским королём Казимиром, весьма сомнительна (с. 646–647). Это отступление, больше похожее на бегство в условиях татарско-литовско-русского нападения на польскую Галицию, меньше всего предполагало какие-то «политические планы» на Подолье. Данный вопрос, представляется, достаточно выяснил ещё М. С. Грушевский, по мнению которого в основе рассказа Виллани «лежить поголоска про похід угорського короля під Белз весною 1352 р. і re di Proslavia означає Казимира»²³.

Наконец в тексте, главными фигурантами которого являются Кориатовичи, даже не упомянут один из братьев — князь Лев Кориатович, после 1394 г. находившийся в ВКЛ и погибший в битве на Ворскле 1399 г.

Вообще вторая часть книги О. Л., при всех безусловных достоинствах, по тщательности и объективности проводимого анализа, как представляется,

22 Подр. см.: Келембет С. Фінал «Королівства Русі», 107–111.

23 Грушевський М. *Історія України-Руси*. Т. IV, 442–444. Ср. наблюдение А. В. Мартынюка по поводу такого же легендарного похода, «описанного» Виллани под 1354 г., в основе которого явно лежал поход Людовика и Казимира против Кейстута в 1351 г.: историк обратил внимание «на совпадение некоторых деталей этой легендарной экспедиции с обстоятельствами реального похода 1351 г.: два короля, пятнадцать дней пути, обещание предводителя язычников принять крещение» (Мартынюк А. В. *До Герберштейна: Австрія и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII — начало XVI в.)*. Москва, 2019, 339–340).

заметно уступает первой. Наверное, это объясняется и «техническими» причинами: даже при столь солидном объёме текста, в его рамках сложно провести углублённое исследование всех «смысловых элементов» хроник. С другой стороны, автор не всегда оправданно отвлекается на сюжеты, никак не связанные с *ЛВКЛ* и *ПП*, а иногда уделяет повышенное внимание несущественным деталям. Скажем, в рамках поставленных задач выглядят избыточными некоторые экскурсы биографического и топографического характера (описания замков, локализации сёл, реконструкции границ, подробное комментирование якобы топонимических и даже фольклорных «следов» Витовтова похода на Витебск 1393 г.); вряд ли оправданно обращение к поздним текстам, не имеющим самостоятельного значения (так, каждый раз перечисляются «варианты и дополнения» Стрыйковского, при том, что О. Л. почти всегда ощущает их вымысленность), и т. д.

В Приложении 1 опубликованы тексты и переводы, выполненные автором, двух актов 1380 г., упомянутых в *ЛВКЛ* (с. 723–728). Приложение 2 — «Некоторые документальные материалы по истории Подолья с 1351 по 1394 г.» (с. 729–770) — содержит тексты и авторские переводы (для латино- и немецкоязычных актов) 17-ти документов. Из них особую ценность представляют два: литовско-польский договор 1366 г., опубликованный по архивным рукописям двух его списков и латинского перевода (№ III), и Белзкое соглашение 1392 г., впервые изданное по тексту оригинальной грамоты и переведённое со старонемецкого на русский язык (№ XV).

В целом рецензируемая книга, несмотря на высказанные замечания, заслуживает самой высокой оценки, особенно её первая часть и приложения. Как представляется, автору удалось весьма успешно решить поставленные задачи, касающиеся источниковедения *ЛВКЛ* и *ПП*. Основные выводы О. Л. достаточно убедительны, хотя некоторые из них и не претендуют на бесспорность; но последние во всяком случае очень вероятны, а их гипотетичность практически неизбежна. Научное сообщество получило высококлассную работу (при этом написанную в легко читающемся стиле), без учёта которой вряд ли смогут обойтись специалисты, изучающие историю Великого княжества Литовского 1340–1390-х гг.

Станислав Келембет